

Ростислав Александров

Возвращение «Калиостро»

Никогда не знаешь, что прорастет поиском. Это может быть все что угодно. Старинная фотография, сделанная, к примеру, в ателье К. Мульмана, удостоенного «Высочайшей награды Его Императорского Величества Шаха Персидского». Такого же возраста билет в театр-иллюзион «XX век» на Ришельевской, 50, угол Базарной. Несколько слов, походя брошенных одесским человеком «с раньшего времени», или несколько строк в старой одесской газете, о коих в данном случае и пойдет речь.

7 сентября 1921 года в газете «Моряк», не просто описанной, но воспетой бывшим секретарем ее редакции Константином Паустовским, появилась и пятьдесят лет спустя была прочитана мною крошечная информация о том, что «в театре Государственных производственно-художественных мастерских принята к постановке пьеса местных авторов Георгия Шенгели и Эдуарда Багрицкого «Калиостро» и «уже приступлено к изготовлению декораций». Что имелось в виду, было совершенно непонятно, помимо, разве, театра Государственных производственно-художественных мастерских. Большевики уничтожали, перекраивали, переименовывали на свой лад все, что только можно было. Снесли памятник Основателям Одессы на Екатерининской площади, знаменитую Дерibasовскую переименовали в улицу покойного немецкого философа и политического деятеля Лассалья, нога которого не ступала в Одессе, Городской сад назвали именем итальянского монаха Джордано Бруно, сожженного за ересь без малого за двести лет до ее основания, цирк на Коблевской улице преобразовали в «Дворец искусств и спорта», куда в конце 1920 года литературными инструкторами были зачислены Э. Багрицкий и Г. Шенгели.

А известно своими преподавателями и учениками «Имени Великого Князя Владимира Александровича художественное училище Общества изящных искусств» на Преображенской, 14, преобразовали в Государственные производственно-художественные мастерские, в зале которых Э. Багрицкий читал свои стихи осенью 1921 года.

Весной того же года Георгий Шенгели закончил «стихотворную революционную пьесу «Броненосец «Потемкин», отрывок из которой напечатал в первом номере «Моряка». А летом Илья Ильф, Юрий Олеша, Лев Славин, их друзья, поклонники и поклонницы в кафе поэтов «Мебос» («Меблированный остров») в подвале на улице Щепкина, 18, инсценировали утерянную впоследствии поэму Эдуарда Багрицкого «Харчевня». На то время этим, по-моему, и ограничивалось прикосновение Багрицкого и Шенгели к сценическому искусству, а тут вдруг объявилась какая-то пьеса «Калиостро», к тому же, написанная ими совместно. Словом, было что искать, чем я и занялся, перелистывая страницы «Моряка», напечатанные на тончайших, шевелящихся, казалось, от одного дыхания листах неразрезанных чайных и табачных бандеролей. Вскоре в номере от 24 сентября попалось на глаза сообщение о том, что «В театре художественно-производственных мастерских приступлено к репетициям водевиля в стихах Георгия Шенгели и Эдуарда Багрицкого» и «над этой пьесой проводятся опыты коллективной режиссуры».

События развивались так, как должны были развиваться, – сначала пьеса, а точнее, водевиль в стихах, принята к постановке, изготавливаются декорации, начинаются репетиции. Значит, нужно было искать объявление о премьере, и если уж очень повезет, рецензию или хотя бы какой-нибудь отзыв о постановке, которые позволят представить себе содержание пьесы. Но, как иногда еще говорят в Одессе, что я имел, кроме ничего? Просмотрел все номера газеты за 1921 год, прихватил еще изрядный период следующего года – и никаких материалов о спектакле не обнаружил. К этому времени уже не было в живых вдовы Багрицкого милой Лидии Густавовны, к любезнейшей помощи которой я частенько прибегал, обращения к старожилам ясности не внесли, и поиск, по сути своей, зашел в тупик. И тогда неожиданно, но аккуратно ко времени, появилась возможность побывать

в Москве у вдовы Георгия Шенгели поэтессы Нины Леонтьевны Манухиной.

Конечно, не мог я прямо с порога начать расспрашивать ее о «Калиостро». Поговорили о Шенгели, главным образом, о его жизни в Одессе, о том, как еще в 1916 году он побывал тут и читал стихи вместе с Игорем Северяниным, о чем потом написал в книге «Ни дня без строчки» Юрий Олеша: «Я помню, Георгий Аркадьевич, как вы стояли в углу сцены, над рампой, в Одессе, в Сибиряковском театре – в черном сюртуке, с черными кудрями, страстный, но не громкий, как показалось мне, небольшой, о, чудесная фигурка, Георгий Аркадьевич! – да-да, странно, непохоже на других красивый, вот именно черный, с медовым тяжелым блеском глаз – и читали стихи... Это было в Одессе в ясный весенний вечер, когда мне было восемнадцать лет». Я обратил внимание Манухиной на то, что по прошествии многих лет Юрий Карлович чуточку ошибся в датировке – не восемнадцать лет ему было тогда, а семнадцать, поскольку три поэзо-вечера Северянина с участием Шенгели состоялись в первой декаде мая 1916 года в тогдашнем Драматическом театре или, как его еще по старой памяти называли одесситы, Сибиряковском театре, на улице Херсонской, 15. И очень уж развеселилась она, когда я прочитал несколько строк из рецензии некоего подписавшегося одной лишь буквой С одесского журналиста о том, что «Георгий Шенгели по-своему чувствует душистый аромат поэзии Игоря Северянина, страстным панигириком (выделено мной. – Р. А.) которого он является».

И только потом я спросил Нину Леонтьевну о пьесе «Калиостро», а она спокойно, будто только вчера ее спрашивали об этом, сказала: «Одну минуточку», – достала из старинного, темного дерева книжного шкафа и протянула мне самодельную тетрадку, сшитую из листков какого-то неопределенного цвета случайной бумаги двадцатых годов. Текст в ней был напечатан скачущим шрифтом старой пишущей машинки, какого-нибудь «Ундервуда» или «Ремингтона» с разбитой лентой, что не мешало ей считаться, наверное, драгоценностью в тогдашней Одессе.

На первой странице тетрадки было напечатано: «Эдуард Багрицкий и Георгий Шенгели. «Влюбленного рука, или Мечь Калиостро». Пьеса в 1 действии», а чуточку ниже – автограф: «На-

писано летом 20 г. в Одессе. Багрицкому полностью принадлежат заключительные куплеты, сюжет мой, текст слагали вместе, сидя за столом, я записывал. Г. Шенгели. 1938, 29.Х, Москва».

Нужно ли говорить, что я, извинившись, испросил разрешения хозяйки тут же прочитать тетрадку? Сюжет водевиля, как положено произведению этого жанра, изобилует неожиданными ситуациями и превращениями: гвардейский капитан арап Ибрагим страстно влюблен в прекрасную княжну Елену, но ее родители не соглашаются на их брак. К тому же, оказавшийся там знаменитый маг и волшебник Калиостро ревнует княжну к Ибрагиму и, в свою очередь, дьявольскими кознями стремится помешать свадьбе. Но это возымело только противоположное действие, и родители княжны не просто согласились, а пожелали выдать ее за Ибрагима. К всеобщему, включая самого Калиостро, удовольствию все заканчивается благополучно, и друзья Ибрагима поют веселые куплеты, которые, по словам Шенгели, принадлежат Багрицкому.

Не считая себя вправе злоупотреблять любезностью, временем и терпением Нины Леонтьевны, я переписал тогда только название пьесы, автограф Шенгели и несколько куплетов. И поиск вроде бы подошел к концу, поскольку найден был текст забытой пьесы, установлено ее подлинное название, уточнено время и выяснены некоторые подробности создания. Но знаменитое «чеховское ружье» все-таки не выстрелило, потому как судьба постановки «Калиостро» оставалась неизвестной. И тут в который уже раз пришло на помощь живое, согретое теплом человеческой памяти свидетельство современника.

В печати появились воспоминания активного участника литературной жизни Одессы начала 1920-х годов Николая Данилова, которому, как оказалось, была поручена роль одного из друзей Ибрагима в спектакле по пьесе Шенгели и Багрицкого. Последний же, по словам Данилова, не только согласился руководить постановкой, но решил сыграть роль самого Калиостро: «Его глаза сверкали, он ходил по сцене какой-то особой скользкой походкой. Перед нами был маг и волшебник. На сцене его огромный поэтический темперамент легко переключался в актерский». Из этих же мемуаров стало понятно, почему я так и не нашел в газете упоминание о премьере «Калиостро». «Когда речь зашла

о премьерe, – вспоминал Данилов, – случилось то, чего мы никак не предвидели: Багрицкий вдруг перестал ходить на репетиции. Мы попробовали репетировать без Багрицкого, но с его уходом и сама пьеса, и все, что мы придумали, как-то потускнело, перестало увлекать нас».

Теперь уже трудно сказать, почему это произошло. По мнению Данилова, Багрицкому «доставляла удовольствие игра в театр, но демонстрировать свое актерское искусство перед зрителями он не захотел». Тут можно возразить, потому что в упомянутой инсценировке «Харчевни» Багрицкий успешно сыграл роль трактирщика. Правда, обстановка и зрители в кафе поэтов были более близки ему, да и сама инсценировка отдавала самодеятельностью. Только ведь и театр художественно-производственных мастерских тоже был изрядно далек от профессионального. Так или иначе, но «не увидели зрители «Мечь Калиостро», – сокрушался Н. Данилов, – и, что особенно жаль, Багрицкого-актера». А вот эти слова мемуариста можно уточнить: не увидели «Калиостро» одесские зрители...

Перед тем как распрощаться с Ниной Леонтьевной, я спросил ее, почему это по прошествии без малого двух десятилетий Георгий Шенгели осенью 1938 года сделал авторскую надпись на первой странице тетрадки с текстом «Калиостро». И она сказала, что, если память ей не изменяет, пьеса вроде бы готовилась к постановке в каком-то московском театре. Я ушел от нее вечером, а утром в тогдашней «Ленинке» – нынешней Российской государственной библиотеке – номер за номером, начиная с ноября 1938-го, перелистывал бюллетень «Декада московских зрелищ». В номерах за 1938 год ничего, относящегося к пьесе, не оказалось, зато в десятом номере следующего, уже 1939 года, сообщалось, что «в третью программу, которая будет дана в первых числах апреля, Театр эстрады и миниатюр включил водевиль Эдуарда Багрицкого «Мечь Калиостро», написанный в содружестве с Г. Шенгели». Объявленные сроки были по какой-то причине смещены, и московские зрители увидели «Мечь Калиостро» в первой декаде мая в Театре эстрады и миниатюр на улице Горького, там, где потом разместился театр им. М. Ермоловой.

Только на этом история «Калиостро» не закончилась. Через несколько лет после меня у Манухиной побывали приехавшие из

Одессы Евгений Голубовский и Сергей Калмыков, которые тоже поинтересовались пьесой. Но, как это ни обидно и ни странно, Нина Леонтьевна... не смогла ее у себя отыскать, и куда она запропастилась, даже представить не могла. Наверное, я все-таки опрометчиво поступил, не переписав тогда ту тетрадку от первой буквы до последней точки...

С той поры уже прошло-пролетело почти четыре десятилетия. А недавно литературовед и поэт Вадим Перельмутер отыскал в Российском государственном архиве литературы и искусства, сокращенно именуемом РГАЛИ, рукопись пьесы «Мечь Калиостро», машинописный текст которой давно и загадочно исчез из дома Н.Л. Манухиной. Право первой публикации пьесы он любезно предоставил альманаху «Дерибасовская – Ришельевская», в 46-м номере которого она напечатана и мною прочитана, напомнив многое и наведя на некоторые размышления.

В 1919 году, когда Алексей Толстой с женой Натальей Крандиевской, подобно многим, бежали от большевиков в тогда еще свободную от них Одессу, он начал писать здесь повесть «Граф Калиостро», действие которой разворачивается в княжеской усадьбе, а в числе персонажей присутствуют всякие козни влюбленный Калиостро и арап, правда, не гвардейский капитан и не Ибрагим, но это сейчас не суть важно. Толстой и Крандиевская сошлись с местными поэтами и бывали у них на вечерах легендарного литературного объединения «Зеленая лампа». Не исключено, что Толстой, которого молодые одесские поэты по праву считали мэтром, мог в порядке, так сказать, мастер-класса поделиться с ними сюжетом будущей повести. И так же не исключено, что летом следующего года, когда Толстой и Крандиевская уже пребывали во французском далеке, Багрицкий и Шенгели в какой-то мере использовали этот сюжет при написании «своего» «Калиостро». Впрочем, это не более чем предположение.

И еще. Найденная рукопись не имеет названия, а литературные достоинства позволяют считать ее лишь рифмованной записью замысла или, по крайней мере, первой редакцией текста. Во всяком случае, так показалось мне, когда я, пусть по памяти, но попробовал сравнить его с текстом, который я читал у Нины Леонтьевны Манухиной. В пользу этого свидетельствуют и вос-

поминания художника Евгения Адольфовича Кибрика, который в 1920-х годах учился Одесском художественном институте, где несколько раз выступал Эдуард Багрицкий:

«...Я запомнил читанную им у нас шуточную поэму «Граф Калиостро».

Музыка два часа гремит.
Княжна Елена по паркету,
Душой предавшись менуэту,
С арапом медленно скользит...»

В новонайденной же рукописи эта строфа, открывающая текст, не содержит имени одного из главных действующих лиц пьесы и выглядит, мягко говоря, несколько по-другому:

Музыка два часа гремит,
И вот, с арапом два часа скользит.
Лилейну шею наклоняя
И пальчиками свой роброн
С лукавствием приподымая,
К арапу ластится...

При любом раскладе возвращение «Калиостро» состоялось. А совсем недавно я узнал, что в том же РГАЛИ в фонде бумаг Эдуарда Багрицкого хранится машинописный текст пьесы «Мечь Калиостро». Похоже, что он попал туда относительно недавно, поскольку никто из литературоведов, изучающих творчество поэта, до сих пор его не опубликовал. Тот ли это экземпляр, который был у Н.Л. Манухиной, или какой другой, пока неизвестно. Можно лишь с уверенностью считать, что он содержит более позднюю или даже окончательную редакцию, поскольку на машинку отдают обычно уже правленный текст. Если же это так, то не исключено еще одно возвращение «Калиостро».

